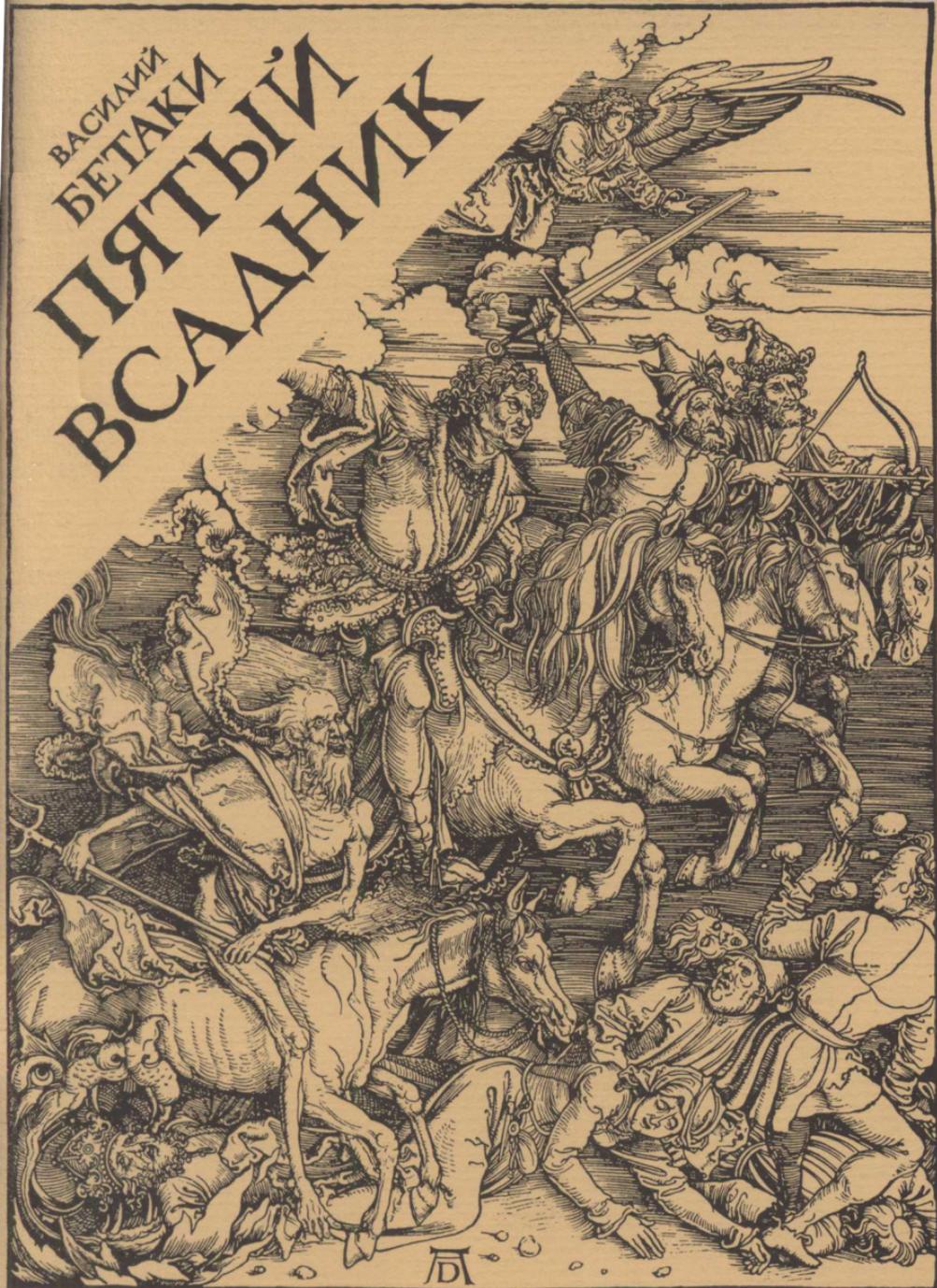

ВАСИЛИЙ
БЕТАКИ
ПЯТЫЙ
ВСАДНИК

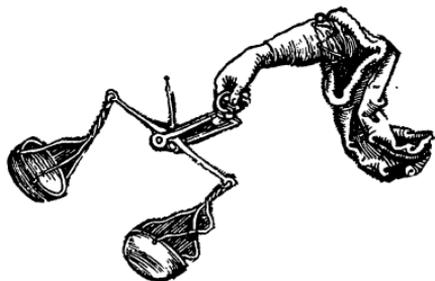

ВАСИЛИЙ
БЕТАКИ

ПЯТЫЙ
ВСАДНИК

СТИХИ

PARIS

1985

Фото В.Павловой. 1984 г.

В ТЮРЯГЕ ФИЛОСОФ, У ВЛАСТИ КУХАРКИ,
СВЯЩЕННИК НА РЫНКЕ, ТОРГОВЕЦ ВО ХРАМЕ...
МЫ ТАК ПЕРЕПУТАЛИ ВСЕ ПО ЗАПАРКЕ,
ЧТО САМИ АКТЕРЫ И ЗРИТЕЛИ САМИ.

Оформление худ.М.Грана.
Использована гравюра А.Дюрера "Четыре всадника"

© Copyright by Author. Paris , 985

На кухне, в той квартире,
Что скоро век пуста,
В антихристовом мире
Не поздно ль звать Христа?
Соблазнами утопий
Вымачивая ад,
Носиться по Европе
Рычащих автострад?

Но чей ты, чей ты, чей ты?...
Не знаю...

"Аз воздам!"

То - скорбный Ангел Мщенья
Бредет по городам.

Еще гранит не рухнул
И не забыт Шекспир,
Но до размеров кухни
Сжат европейский мир,
Еще и юн и светел,
Все, вроде, ничего,
Но так ветхозаветен,
Как будто до Него...

ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ

Памяти М.А.Волошина

Нет, все при мне. Ничто не распялилось.
Они вдвоем стояли надо мной:
Отец, и тот - с огромной бородой,
А сына у прибоя суетилась.
И море шелестящее раскрылось,
Но ничего не видя впереди,
Я голос услышал: "Иди, иди"...
Как должное я принял эту милость,
И кривоногого топая в волну,
Почувствовал: теперь - не утону!
Вот - первое, что помню я из детства...
Но все-таки за что мне, отчего
Досталась неприкаянность его,
И тайни бесполезное наследство?

ФЕОФАН ГРЕК

И вот, едва минуя двери,
Ты различаешь сквозь туман,
Христа, которого на сфере
Писал искусный Феофан.
Как будто с высоты небесной
Благословляющая длань
Прощает милостивым жестом
Внизу собравшую реань.

Но отойди назад подальше,
И пятясь, ты заметишь, как
Становятся короче пальцы,
Сжимаясь, наконец, в кулак,
И взгляд меняет выраженье,
Вослед сжигающей вражде –
Преображенье! /Отверженье
Любих пророков и вождей!/
И, обратясь лицом ко входу,
Разгневан и простоволос,
Он кулаком грозит народу,
Преобразившийся Христос:

"Да, всяк вошедший есть Иаков...
Отмиценье Мне и Аз воздам!
И не узревший тайных знаков
Пройти не сможет по водам.
Вы, торопши, бичи достойны –
Не мир, но меч Я вам принес,
Не благоденствие, но войны,
Не тишину, но грохот гроз!

Не Параклет, а Пантократор –
Отмиценье Мне и Аз воздам:
Четыре всадника крылатых
Пройдут по вашим городам!"

И страшно под грозящим ликом,
И церковь гулкая пуста.
На темном взоре белым бликом –
Гнев феофанова Христа...

*Человек, как его не корми,
Вечно трется перед дверьми!*

*Нараспашку жить невозможно,
Но страшнее - замуровать:
От вселенных и до кроссвордов
Суждено нам все открывать.*

*Дверь - убийца. И ей не веря,
Вот уж пятую тысячу лет,
Все мы рвемся в открытые двери,
В те, где надпись, что "хода нет",
А за это - на древнеримской премьере
Нас театрально съедают звери,
Или весло на тяжелой галере -
В лоб тебе - и привет!
Или костер, чтоб во славу вере,
Или психушка, где срок не мерян...
Чудовищный фильм из тысячи серий -
Вот тут бы вскочить, и реануться в двери -
Но над выходом - красный свет!*

СВЕТ ФАВОРСКИЙ

*Что наше время? Свет и тьма
Живут почти неразделенно.
Сие предсказывал с Афона
Еще Григорий Палама.*

*От картезяньей суеты
До хайдеггера маразма -
Все бред пред мыслью исихазма
В лучах высокой частоты:*

*Так Дух Святой - незримый Свет
Преображается в фотоны.
Останови их - и готова
Материя, которой нет!*

*И так материя и дух
Друг в друга переходят снова.
Итак - в начале было Слово,
И свет от Слова не потух...*

*Есть глубина афонских чаш -
Скитов великое молчанье,
Где йоги "умное дыхание" -
Мелодия для "Отче наш".*

ПЕТЕРБУРГСКИЙ АПОКАЛИПСИС

1.

В тысяча восемьсот двадцать четвертом
Было наводнение и многое еще:
Кто видал комету, а кто и чорта,
Коему копыто обварили борщом,
А кто-то вспомнил: когда Наполеон
Войска поворачивал на север России,
И стали поговаривать, что, мол, пора
Увозить в Москву фальконетова Петра -
Майору Батурину снился сон,
Сон опасный и некрасивый:

Что конь Петра вдруг затряс брон..
/страшно сказать!/. ...зовой гривой,
Долой со скалы - и ко Дворцу.
На балконе - Александр, со страху синий.
Петр его - медной ладонью по лицу:
"Что ты наделал с моей Россией?
Но пока я здесь и Гром-Камень стоит,
Слава Богу, столице ничто не грозит!
А ты, молодой человек, глуп:
Думаешь, т и победишь Наполеона?
Он сам ползет, как петух в суп!"

И всадник удалился с подобающим звоном.

Майор Батурин протер глаза,
Майор Батурин думал недолго,
И по секрету двум-трем рассказав,
Убрался в отставку. В именье. За Болгу.

2.

Город - призрак в белую ночь,
Ибо призрачен даже чугуун,
Ибо тени в белую ночь -
Только отзвук молчащих струн.
Просто нет их как нет, теней.
/Это здесь писал Шекспир!/
Просто ночи - призраки дней,
Колоннады - призрак лесов,
Город-призрак - последний князь
на сибирской вечной земле

Сквозь его троттуары и грязь
Веча призраки проросли.
Так...

Но ты одного берегись:
Если в эту ночь без теней
Ты заметишь, глянувши вниз,
Тень у ног подружки твоей,
Тень, что в этот плывущий час
Ни садам, ни любви не нужна...

Если тень сохранила она -
Непременно тебя предаст!

3.

Пока что цели набережных плиты,
Пока над Петропавловскою ангел
Крест держит,

и пока на Громе-Камне
Петр охраняет детище свое,
Пока суровый Иоанн Кронштадтский
Спокойно спит в нетронутой могиле,
А на Смоленском светится лампада
Блаженной Ксении,

пока Суворов
Не вискочил из-под плиты музейной,
Пока ехидный Карл Иванович Росси
Молчит и терпит площадь возле Лавры,
Все в мире будет кое-как терпимо.
/Все в мире - к сожаленью не в стране!

СТОКГОЛЬМ

На сосновые скалы сбежали дома
Отдохнуть от столиц, от сует, от ума,
Затеряться, проспаться от моста до моста,
И вода между ними - прекрасно пуста!

Вот, наверное, Питер таким бы и был,
Если б скалы хранил, и лесов не рубил.

Он три века воюет, коротких, как год
Со своим отражением в зеркале вод...

Вот откуда российская наша беда:
Мы с собой же зеркальным воюем всегда!

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ШКОЛА

"Отечество нам - Царское Село"

А.Пушкин

"Все мы бражники здесь, блудницы..."

А.Ахматова.

... А мы - шуты!

И тот, который
С бородкой цвета самовара
С Конногвардейского бульвара,
Тот, что облаивал Соснору.
И сам Соснора, худ и черен,
И тот, что делал голос низкий,
Как неудавшийся Печерин,
Не верящий, что он - Грушницкий.
И тот, что вурдалаком с виду -
Очкарик и архивный малый.
И тот крикун, что за обиду
Лупил под вздох кого попало...

И та - с глазами цвета дыма,
Та, перед кем все эти млели,
И ни один не смел би мимо
Ее безудержной постели -
Мы все - шуты.

Но временами
Трагикомические даты
Сшибались в воздухе над нами,
Как над могилами лопаты,
Когда могильщики неловки
И циники...

А мы не спорили,
Что вот из такой дешевки
Сварганит что-то Дух Истории...

"То что делаешь - делай скорей!"
Пусть останутся хлеб и вино.
Растворяйся в тумане аллея,
Чтобы стало тепло и темно...
Потому что теплей без тебя,
Хоть, наверно, темней без тебя...
Но промерз я с тобой, и не рад
Что теплей одному и - нигде...
А темней? Но кошачий мой взгляд
В темноте - словно рыба в воде.

Наглотававшийся мертвенных числ,
Заплутававшийся в сердце своем,
Я оплачу таинственный смысл
Этой вечера тайной вдвоем...

Не оглядывайся у дверей:
Я смолчу. Я давно уж не тот.
И тебя ведь никто там не ждет...

То что делаешь - делай скорей!

Вот бы дожить до лета:
Снова увидеть Лондон...
Но лондонские колонны
Белы, как ребра скелета...

Говорят, что срок уже близко,
Что обвалится как палатка
Горбатого Сан-Франциско
Подтаявшая шоколадка!

У Африки сдавлена глотка?
Пусть, и Азию тоже не жаль -
Но Европа в одних колготках
Выходит на Пласе Ригалле...

Мир, давно горящий, намедни
Разорен бандитским постоем,
И Париж не стоит обедни,
И Питер парада не стоит,
И всех игр не стоят свечи...

Так пусть последний огарок
Озарит эти мягкие плечи
И пенных волос Ниагару!

25 февраля 1984.

Трижды в сутки тяжелые колокола
Оглашают глухой городок.
У пустого пруда, у сухого ствола
Слишком много влюбленных строк...

Но идущий ко дну, не забыл ни одну -
/Прижимаюсь к пустому окну/
Где, когда заработал я эту вину?
Все - любовную лямку тяну...

Равнодушья прошу! Но никто не подаст,
Хоть отсохни, ладонь протянув,
Не подаст безразличную холодность астр
И сентябрьской души тишину...

Трижды в сутки чугунные колокола
Оглушают пустой городок,
Но все кажется, видится из-за угла
Красно-серый голландский платок...

Таунус. Март 1984 г.

Когда отлив ползет с песка,
За маяком Сен-Гиньоле,
За этой кучей круглых скал
Шумит Атлантика во мгле.
И чайки падают в туман,
И мы одни на всей земле,
На самой маленькой скале
У маяка Сен-Гиньоле.
И нет ни моря, ни земли,
И горизонта нет вдали,
И за спиной - туман-стеной,
Ты видишь? Это - край земной!
Ты знаешь: он - не рай земной...
И все же ты стоишь со мной
Под этим маяком немым.
Тут чайки даже не кричат,
И молча падают в туман.
Тут - край земной.

А что за ним?

Но скалы серые молчат.
Отлив молчит, и те кресты -
Рыбачьих сейнеров кресты.
Тут ночь боится пустоты.
А ты? Боишься пустоты?
А я?

Не знаю... Я промок...
Песок - и ничего окрест...
Лишь каменный тяжелый крест
На перекрестке двух дорог.
Они расходятся... Куда?
И крест поставлен на пути...
А на любви?

За что? Когда?

И перекрестка не найти!
И горизонта нет вдали!..

Но все таки - зови, зови:
Мы были на краю земли,
Любили на краю любви!

Сен-Гиньоле.

АННА

1970

Канун русальной недели, факелы в камышах,
Лес, оплетенный жмелем, ведьми скользкий шаг.
Через кусты крушины, где желтый месяц плясал,
Капли с белых кувшинок, сбегают по волосам...

Лесная, жгучая бодрость,
Озябшая грудь - остра,
Бьют по бегущим бедрам
Взмахи полночных трав...
В белом дыханьи погоны,
В мареве черной зари
Не ускользнут от ладоней мокрые плечи твои...

1980

На Крутицком подворьи заплуталась зима.
На Крутицком подворьи зелени терема.

Ты ли, Аннушка, Анна - в новом, глупом доме,
А не в том деревянном, расписном терему?

Деревянный? Фантазия! Он - кирпичный давно...
Но бетонную Азию видно сверху в окно.

В небе черном, немирном, лунный щит, ханский щит.
Но твой говор просвирни в телефоне звучит!

Не в костюмчике, в летнике ты выходишь на звон,
Анна, Анна Последняя домонгольских времен!

И стоишь одиноко, словно та, на Нерли,
У оконного ока этой зимней земли,
Лишь платок твой - в узоре забытой весны...

На Крутицком подворьи терема зелени.

Я больше не буду писать о любви.
 Одежда строки расползается в клочья.
 Себя самого и других не мороча,
 Я больше не буду писать о любви!
 Весь мир был дождливым - куда ни плюви,
 Метался ветров потревоженный улей,
 Последние жалкие камни тонули
 От скал Атлантиды - от бывшей любви!

Кругом все - позери: театр для себя -
 Обычный закон неудачников сцены:
 Им хочется в жизни творить перемены,
 В картонные трубы ходульно трубя!

Я больше не буду писать о любви:
 В животную, в женскую жадность я верю,
 Не в окна души, а в горящие двери,
 Не в песни, а в нечто без слов о любви!

Эй, ты кто такая? Не бойся - зови:
 На вечер любимую будет любая!
 Запретом и жаждой себя не сжигая -
 Что хочешь - но только не смей о любви!

В ночи, опустелой, как Храм на Крови,
 В сплошной - от Крондштадта и до Сан-Франциско,
 Любие полкруга - так пусто, так близко!
 Но только - смотри! - не шепни о любви!

КОНТРАБАНДИСТЫ

Друзьям, чьи имена
Еще назвать не время...

Итак - ни балетность пиратских драк,
Ни танцы бродвейских див,
Ни Джеймса Бонда изящный фрак,
Ни кольт, ни скот, ни кабак, ни кулак,
Ни в серой шляпе шериф,
Ни прочий надуманный тележлам
Не стоят тех дел простых,
Что гонят нас по морским городам
С багажником, полным книг.

И в этой гонке, порой без сна,
Когда курят - не говорят,
И рвется фонарная желтизна
Над бегом пустых автострад,
Ни фары, ни шум наших третьих шин
Не верят в сказочный свет
Чудес, которые спер Алладин -
А лишь в контрабанду газет,
Да в эти пластиковые кульки,
Набитые мыслью так,
Что каждый из них как плутоний тих,
Но может взорвать ГУЛаг,
И во все, что минуя советский пирс,
В заветный уйдет чемодан -
А дальше - в Питер, Новосибирск,
Москву или Магадан...

Ну что ж, значит можно в парижском бистро
Или в баварской пивной
Отдохнуть, выворачивая нутро
Анекдотом, байкой, трепней,

Репортаж отхлопать - и снова в путь
Туда, где суда стоят.

И рвет радиатора злая грудь
Желтую мглу автострад.

И снова глотать свою порцию гонки,
Свой ветер Атлантики, голый и звонкий,
С Историей дуясь в козла,
И где-то у ночной бензоколонки
"Заметить вдруг, что молодость прошла".

Голландский тюльпан и фламандская роза...

Трещит горизонт, как сухая вискоза,
Его прорывают туда и обратно
Машины - и как он висит - непонятно.

В преддождьи асфальтовом, в облаке черном,
Лесочки, пригорки и паркинги - к чорту!
Вся в дырках сухая, седая вискоза,
И - проблеском солнца - тюльпан или роза.

"Мне ка-ажется да-аже..." не творчеством - кражей
В строку засупоненные пейзажи...

А все-таки тучи и сосны и ветер -
Все лезет, все ломится в строки вот в эти,
Все трещит: затормози у кювета
И стебли рвани, так, чтоб вместо ответа
Тут, рядом с тобой на переднем сиденьи
Остались, чужим ощущеньем серьеза,
Небывшей, ненужной, не памятной тенью
Голландский тюльпан и фламандская роза...

ЕВРОПЕЙСКИЕ СОНЕТЫ

/ четвертый венок /

Виктору Некрасову

Европа - остров. Тесно городам,
Отмеченным кривой печатью рока.
Имперской Вены темное барокко
И акварельно-тихий Амстердам.

Базарный Рим, пустивший стадо в храм,
Бульварная парижская морока,
Печальный Лондон в ожидании срока,
Берлин - почти смертельно - пополам.

Женева дрыхнет в плюшевой шкатулке,
Москва бетоном душит переулки
И в лихорадке мечется Мадрид...

Так чем дышать? Один остался город,
/И тот лишенный имени! / в котором -
Вода, колонны, ветер и гранит.

1.

*Европа - остров. Тесно городам
В дикарском окружении океанов,
В истерике рокн-рольных барабанов
И пестроте взбесившихся реклам.*

*Но все назойливей суются к нам
Самумов очумелые сопрано,
Нитье корана, блянье баранов -
Весь керосином пахнувший ислам.*

Когда-то хоть верблюжьею мочей,

*Золой костра да пыльною камчей
Грозила эпилепсия Пророка,
А нынче – взрывов фанатичный дым
Гуляет по пустыням нефтяным,
Отмеченным кривой печатью Рока...*

2.

*Отмеченным кривой печатью Рока,
Ты в памяти остался, Вавилон,
И что ж? Мы снова гоним вверх бетон:
Кран в облаках, да духом неввысоко...*

*Мы снова очутились у истока –
Как будто праязык нам возвращен,
Да вот беда: не слышен вовсе он –
С верхушек башен до земли далеко.*

*Да и кругом – стеклянная стена.
Все видно, только речь отключена:
Экран беззвучно светит и жестоко.*

*Стекло, металл... Ау, где град живой?
И как поверить в добрый жребий твой,
Имперской Вены темное барокко?*

3.

*Имперской Вены темное барокко,
Крутые кровли царственных громад
В узорных верстах золотых оград
И пятнах затуманившихся окон.*

*Столица полумира! Одиноко
В игрушечной, остаточной стреле
Чуть не в границу упираясь бокom,
Торчишь сама с собой наедине!*

*Ты так знакома нам: да, ведь по сути
Всех брошенных столиц подобны судьбы!
И все-таки – стократ роднее нам*

*Норманнский ветер, неверный и упругий,
Кленовый мусор на каналах Брюгге
И акварельно-тихий Амстердам!*

4.

И акварельно-тихий Амстердам
 Как прежде дегтем пахнет и канатом.
 О, корабельный вкус солоноватый,
 К кирпичным прилепившийся домам,

Где ивы, наклонившись к берегам,
 Краснеют всей листвою беловатой,
 Когда цепей скрипучею сонатой
 Звучит закат, гуляя по мостам,

И молкнет шелест весел, и – старинны
 Как сцены – открываются витрины,
 Дав место архаическим блюдам,

И дремлют фонари над каждой Летой...
 Да, кажется совсем иной планетой
 Базарный Рим, пустивший стадо в храм!

5.

Базарный Рим, пустивший стадо в храм –
 Извечная столица ротозеев,
 Святынь; котов, лавчонок, коллизеев...
 Скучает хлыст Христов по торговцам!

А если в ночь по гулким площадям
 Пройтись – от конской задницы зеленой,
 И до волшебной-факельной Навонь,
 /Где пицца и гравюры – пополам! /

Так важничает каждое окно,
 Кеиритской нетерпимости полно,
 А форум – как сенаторская склока...

Но мостик перейди – и ты спасен:
 Тростевере! Гитар бездумный звон,
 Бульварная /парижская! / морока!

6.

Бульварная парижская морока
 Смешала все: чиновников и фей,
 Такси, арабов, зеркала кафе
 В одно лицо: клошара и Видока!

Иное дело - улочки в Маре:
Дворцы принцессами в ослиной коже.
И остров Сен-Луи в густой заре,
Где жил Бодлер и я столетьем позже...

Не всякий мушкетерски-весел, как
Некрасов, что из кабака в кабак
По Сен-Жермен. - беспечно, как сорока...

Ему бы - день да ночь, да сутки прочь!
А мне - твою тревогу превозмочь,
Печальный Лондон, в ожиданьи срока...

7

Печальный Лондон! В ожиданьи срока
Осенних скверов чуть желтеет сон,
Но зелен вечно бархатный газон,
Как стол бильярдный, ждущий одиноко

Викторианской белизны колонн.
Но час игры подходит. Слышишь звон:
Биг Бен, Биг Бен... О, до чего ж далеко
Империей моряцкой разнесен

Твой хриплый голос ринды корабельной,
Твой облик романтический и цельный!
И даже уничтоженный туман

Не оборвал судьбы твоей старинной...
И все *all right* бы, если б не Берлин... Н
Берлин - почти смертельно - пополам!

8

Берлин - почти смертельно пополам.
И сорок лет прошло, а все терзают!
Сегодня в рай дубиной загоняют,
Цена *deux gloschen* торовым громам!

Кому - они? Шакалам да ослам?
На стенке пулеметчиков хватает,
В Тиргартене - не тигри подрастают:
Арбузы / для Кур-поцифистен-дамм!...

Не "вечный бой" - им снится вечный стра:
Не с бирками хотят, а чтоб в гробах:
Лизни сапог, и скройся в переулке,

*Завидуя, как без тревог и слав,
На судьбы европейские наклав,
Женева дрохнет в плюшевой шкатулке.*

9.

*Женева дрохнет. В плюшевой шкатулке
Лежат часы – и все они стоят.
Их столько, что мостить дорогу в ад
Омегами – куда дешевле булки!*

*Еще дешевле тот, пустой и гулкий
Особо Обдуренных Наций ряд,
Где ульями таинственно гудят
Всесветных шпионажей закоулки.*

*И в брызгах расплыв огни Лозанн,
Интернациональнейший фонтан
Зовет на теплоходные прогулки,*

*Ну кто же в том чиновничьем краю
Посмеет вспомнить, что в земном раю
Москва бетоном душит переулки?*

10.

*Москва бетоном душит переулки:
Стейт-билдинги – как доты громоздят!
Вставная челюсть города – Арбат –
Эдем бюрократической прогулки!*

*И покучнел навек Нескучный сад,
И Сивцев вражек сведен силой вражьей,
Зато у Мавзолея – та же стража,
И проступают пятна, пятна, пят...*

*но людям говорят, что это розы.
Кровь можно смыть в конце концов, но слезы
С колымских скал или кремлевских плит*

*Никто и никогда не отстирает:
Ливан горит. Камбоджа вмирает
И в лихорадке мечется Мадрид...*

11

*И в лихорадке мечется Мадрид.
Ей – больше тысячи лет: ей не забили –
ее сюда арабы затащили,*

Когда Роланд был басками побит.

У нас - давно монгольский дух забит,
У них - несет исламом, как в пустыне,
И география к чертям летит:
Мы - Запад, а они - Восток понине:

И апельсины есть, и нет дорог...
/Верней одна - ни вдоль, ни поперек,
И та старательно обходит горы!

Понятно, что Хемингуэй - болван:
Сюда полез! Нет, чтоб в Афганистан!
Так чем дышать? Один остался город!

12.

Так чем дышать? Один остался город,
В который азиатский дух не вхож,
Где в переулках ветра финский нож,
И кров небес корабликом распорот!

Весь мир - ко дну, а ты еще плавешь,
Российская, моряцкая отвага!
Крест голубой с Андреевского флага
Дешевкой алик тряпок не сотрешь!

Не оторвать от этих берегов
Ключи Петра и Павла вечный зов,
И если глотки заткнуты соборам -

То рекам не предпишешь тишину.
И вот - такой один на всю страну,
И тот лишенный имени, в котором...

13.

И тот, лишенный имени, в котором
Таится Камень-Петр, небесный гром.
Недаром Храм, как сказано, на нем
Господь воздвиг над сумрачным простором.

Не царской блажью, но державным взором!
Еще не родилось и слово "князь" -
Уж Русским морем Балтика звалась,
А воин новгородский - вариором,

Варягом, вором /древний смысл - воитель/
Не нравится звучанье? Извините:
Слова меняют чаще смысл, чем вид...

Словянам, руссам, кривичам и чуди -
Сян Новгорода вам столицей, люди,
Вода, колонны, ветер и гранит.

14.

Вода, колонны, ветер и гранит
В стране озерной, хвойной и туманной.
Широкий, низкий, желто-белый, санний,
Каретный, золотой, садовый, странный:

Сонетную строфу - и ту скривит!
А сам квадратной мертвенностью плит
Задавлен в дисциплине барабанной -
Он - вечный заговор, бунтарский ритм!

Когда со шпилья ангел просигналит,
И плиты в воду с берегов повалят,
Как в Иерихоне - значит бить бунтам!

Сам Бронзовый с Гром-Камня вмиг соскочит:
Трясись, Москва - он все перекурочит!
Европа - остров. Тесно городам!

ГАЛЛЬСКИЕ ПЕЙЗАЖИ

Вот так подаются в клошари,
Где набережной кривой
Слепят тебя желтые фары,
Которых не знал над Невой,
Есть так из холмистого Пскова
Обрезки старинной души
Ссылает на остров Святого
Людовика и - не дыши!

П а р и ж

На площади Вогез,
На старой place de Vosges,
Опять попутал бес
Влюбляться в эту ложь,
Где красных стен квадрат
И окон переплет
Глядят в кленовый сад...

Над пиками оград
Лист за листом плывет,
Как тени львиных лап,
А в воздухе висят
Следы пернатых шляп.
В сырой глуши аркад -
Все звонче бряк да бряк,
Как будто бы звенят
Фантомы старых шпаг...

Нет, просто антиквар,
Вздыхающий гобсек,
На ключик закрывал
Едва ли бывший век...

Б р е т а н ь

На пегих скалах пена ржет и стынет,
Хаос камней и чаек - пей до дна!
Тяжелыми обломками латыни
Завалена старинная страна
Тут - край скалы. В бесцветный час отлива
Смолкают даже птицы до пори.
Тут - край земли. И с этого обрыва
Одна дорога ей - в тартарары!

Нет, это вам не Франция! Поняне
Крылатых кельтских шлемов снится скань!

Никчемными обломками латыни
Завалена неримская Бретань.

Б у р г у н д и я

Оголенную глиной
Рыжей, кинуться вниз,
Над зеленой долиной
Склон в оврагах навис.
Над кривым горизонтом
Тучи копит с утра
Как бургундская Фронда
Грозовая игра,
Над кривым горизонтом
Вертикальный зигзаг,
Расщедрившись озоном,
Так и пляшет в глазах.
Шум плюмажей сосновых -
И - в долину поток!
Вереск в гривах лиловых
Прячет рыжий песок:
Рыжий герцог овраги
В бой ведет на Шампань:
Водопады отваги
И кустарников рвань!

ПИКАРДИЯ

В Компьенский лес уходят кони,
И колокольня смотрит вдаль.
Ей все равно: пусть ветер гонит
Листву в пустой Мориенваль.

Так эта осень бесконечна,
Что нет ни света ей, ни тьмы,
И падает не солнце - свечка
За пикардийские холмы.

Витраж, как паутина, славит
Былую легкость летних дней.
Но отведи глаза - раздавит
Романской тяжестью камней!

Белесый сон ползет в долины,
Сглотнув измученную даль,
Как будто бризги мокрой глины
Летят в глухой Мориенваль,

Где церковь - темная, немая
Тысячелетняя стена
На контрфорсах поднимает
Чужих монахов имена...

ВАНДЕЯ

Гнедой выносит

на мис песчаный:

Тут - грань Европы и океана.
/И сам давно уж не знаю где я!/
Осенний ветер метет Вандеей,
И узких листьев по травам шорох
Напоминает, как пахнет порох:
Шуаны живы в совином крике!
По серым дюнам, по желтой вихе
Стучат копыта и факел светит,
Чтоб сквозь туманы прорвался Ветер!
Край света - слева, край света - справа...
Шуаны или...
казачья лава?

ЭТЪЕН ФАЛЬКОНЕ

п о э м а

Э Т Ь Е Н Ф А Л Ь К О Н Е

Эта поэма о французском скульпторе Э.Фальконе, создателе Медного Всадника. Каждая глава поэмы по форме представляет один из поэтических жанров восемнадцатого века. По крайней мере в том, что относится к структуре строфы. А вообще-то она - вне времени, как и сам ее Бронзовый Герой. - действующее лицо поэмы наравне со скульптором.

Н О Э Л Ь

Век девятнадцатый, железный..
/ А.Блок/

*Век восемнадцатый, веселый,
Когда под зеуки карманьоли
Штатались разные престолы
И даже тюрьмы - например
Сломали некую Бастилию -
Не соответствовала стилю -
И Папу Римского честили,
Чему способствовал Вольтер.*

*При том еще французы пели
Весьма веселые ноэли,
Под кои головы летели,
И в том числе - ол-ля-ля-ля! -
С зеленщика, с графини, с мэра,
С Андре Шенье и Робеспьера,
Но прежде - в качестве примера -
С Луи Бурбона, короля.*

*Ноэль рождественская эта
В честь господина Фальконета!
/В старинных ритмах менуэта
трудней промолвить "Фальконэ"/
сия семья во время оно
звалась на Корсике Фальконе,*

Е посетила не салоны,
А просто пастбища, зане -

Путь корсиканца предрешенный:
Или пасти овец по склонам,
Или идти в Наполеоны -
Равно под сению олив
Нет мира, как сказал Де Сантис:
Хоть уходите, хоть останьтесь,
И все одно Вы - корсиканец...
Но мой, с чего-то, был счастлив:

Он стал художником, и вроде
Известен стал о том же годе
И на фарфоровом заводе,
Как ни ругался друг Дидро,
Этьен трудился криво-косо,
Лепя такое, что философ
Стал от интимности вопросов,
Как нимфы пуганой бедро.

.....

Посол и физик Д.Голицын
Звал Фальконета к нам в столицу,
Чтобы порадовать Царицу,
"уделав памятник Петру"
Под управлением Бецкого
/Се - сын побочный ТРУбецкого,
И был любой ценой готов он
Вернуть утраченное ТРУ/

С Т А Н С Ы

- Тон, сударь, Ваш невнятно резко!
И с кем! Со мной!
И вышел вон Иван Иванович Бецкий
Из мастерской.

Шел через площадь до своей карети
Как через зал
В туман, и по частям в тумане этом
Он исчезал:

Сначала скрились черные ботфорты,
И рукава,

Потом и воротник куда-то к чорту,
И голова...

Лишь в петербургском утреннем тумане
Парик парил,
Парик, дрожавший от негодованья,
Вспливав, пылил...

Кого-кого - Этьена париками
Не удивишь:
Когда-то он своими же руками
На весь Париж

Витачивал дубовые болваны
Для париков,
Белесых, как вечерние туманы
У берегов.

И облачко над Лувром застывало...
Был весь Париж
От башен Нотр-Дам - и до подвалов
Один парик,

Один, большой, как шкура у барана,
Весь из комков...
Да Фальконе витачивал болваны
Для париков,

Для их сиятельств - бывших деревенщин.
Господь спаси:
Ведь их в прекрасной Франции - не меньше,
Чем на Руси!

Так знай осьмнадцатого века мудрость;
Что тот велик,
На ком под килограммом белой пудры
Большой парик!

На ком, похож на белый ком тумана,
Парик на ком...
Но мастер знает стоимость болвана
Под париком!

Ц Ы Г Л Н С К И Е

А цыган, а цыган в мастерскую забредал,
А цыган - ах, цыган все коня критиковал!
И кому же знать коней,

как не конокраду?
И цыгана Фальконе
слушал ночи кряду!

Ооооой, дэвлалэээ!

Нагадал, что Петра напротив,
Там за Невой,
версту наискосок,
Кто-то чей-то памятник когда-то наворотит -
Что-то вроде смерти,
может даже и с косой...

Вместо коня - телега не телега,
Вроде бескопыт, да на колесах конь,
Две головы, а во время бега -
Между задних ног его - вонючий огонь!

И на том
Чорт те чем -
/Не верхом, не верхом!/
С голим черепом стоячий всадник...
Он с другого берега Невы
Руку вытянет обратно, кзади,
В направлении брошенной Москвы...

Ох, захочется ему вперед!
Ох и крови потечет, потечет...
А на шее голова наоборот -
Кто поймет где зад, а где перед?

"Камень на камень, кирпич на кирпич..."
Памятник... памятник... памятник,, Дичь!

.....
Власть не зря чини чарует,
И законов всех она сильней -
Ты - народ? Тебя люблю я,
Берегись любви моей!

Любовь, любовь...

Кроме кроме кроме шуток:
Проме- проме- проме-жуток
От Людовика до Робеспьера,
От Николая до Кирпича,
Только текстом хабанера,
Только текстом отлича...

лась!

Слазь!

Власть!

И скульптура, теряя пластику,
Станет плоской, как плакат,
И "достиг я высшей власти"
/"Неподкупный" адвокат/
И в ступенчатой пирамиде
Тот плешивый фараон
Будет в самом серьезном виде
Приблизительно погребен...
/Любовь, любовь.../

Но - "искусство - для народа":
И ему восковое лицо
Станут каждые два года
Привозить от мадам Тюссо -
любовь, любовь...

Мир окажется наизнанку,
Сфинксы смятятся с аллея,
И на время грабитель банков
Ляжет к лисому в мавзолей:
любовь, любовь!

Много всяких будет попыток
Изничтожить всех чудаков,
Пока Твой Конь собьет копытом
Головы гипсовых божков!

О П Я Т Ь Н О Э Л Ь

У господина Фальконета
Талантов тьма, а денег нету,
Но вы поверьте, что поэту

Не только этим близок он,
А так же тем, что /о, нахальство!/
Не уважал столпов начальства,
.....
За то что те е... закон.

Поскольку власть им застит глазки,
То в результате неувязки,
Как две змеи в индийской сказке
Друг друга кушают с хвоста,
Кольцо становится все туже,
Мир очучается снаружи,
/зане в кольце все хуже, хуже.../
И в результате - пустота...

Но от тебя, ваятель бедный,
Остался все же Всадник Медный,
Поскольку Севра кобальт бледный
Особой славы не принес...
Посуду лупят в Равной мере
При Кирпиче и Робеспьере...
Но о фарфоровой карьере -
Уже совсем другой вопрос!

КУПЛЕТЫ

Что б там не ввали, но трое,
Трое творили Петра:
Трое умом и рукою:
Скульптор, мужик и пират:

Знавший житейские бури,
Ну а морские - стократ,
Мартин Ласкари-Карбури,
Грек и царицын пират.

Эх, средиземные драки -
В шрамах белесых лицо.
Он с капитаном Бетаки
Грабил турецких купцов.

Чудом избегнувши плена
Дьяволи флотской войны,

Оба бездомных кузена
Впили в большие чини!

Поколдовав над досками
Гору в столицу попер
Мартин Карбури-Ласкари,
Хитрый царицын сапер!

Все расчитал без ошибки:
Видя, что берег в грязи,
Хитрый устроил подшинник -
Гору взвали и вези!

Шарики рельсами катят -
"Взяли, тудить твою мать!"
Что тут сказать о пирате?
Шариков - не занимать:

И нелегко, да удобно.
Сотня сажений - не даль...

.....
"Се - дерзновенью подобно!"

Так утверждала медаль

В И Р Е Л Е

/ песня рабочих людей/

Славен град на Неве!
Берегись, кто не ве...
В Бога:
Петер - камень еси,
А камней на Руси
Много!

Ну и слава Петру,
Поработаем ру-
ками,
Чтоб стоял под Петром
Петер-Доннер - се Гром-
Камень!

Он хоть бил почем зря -
То работа царя,
все же!
В свой, бывало, черед,
Луцевал и господ
тоже!

Говорят, мол, мужик:
Подставлять он привик
вию!

Хочь хитер инженер,
нам такое не впер-
вые,

Чтоб руками людей
Двигать без лошадей
Гори!

За морями твердят,
Что Россия есть ад?
Вздори!

Ишь, в ребро тебе бес:
Говорят, что мы без-
штанни!

Штаны купим себе -
Налегай на кабе-
станции!

Установим е г о -
Русь не будет двуго-
ловой:
Азиатской руси
Кол засадим осе-
новый!

Чтоб не встала Москва!
Ну-ка раз, ну-ка два,
Люди!
И Гром-Камень над ней
Всех надгробных камней
Тяжелей и верней
Будет!

И Д И Л Л И Я

Не вечен петербургский плен.
Среди забытых северских стен
Сидит почти глухой Этьен
И лепит Галатею.

Опять фарфоровый завод,
Каштан осенний в окна бьет,
А слепнувший старик поет,
И лепит Галатею

В России памятник открыт
"Гордеев хвост змее творит!/
А Фальконе себе сидит
И лепит Галатею.

Под голубым холмом Сен-Клу
Пигмалион в своем углу
Сидит, чужой добру и злу
И лепит Галатею.

Посуди звон, посуди звон...
Ни Петергоф, ни Трианон...
Кто никуда не приглашен,
Тот лепит Галатею...

Двадцатый век. Еще бездомней...
/ А.Блок/

*Век восемнадцатый, блестящий!
Какой масштаб! Какой разгул!
Он начался, как настоящий,
Но до конца не дотянул,
Хотя и был отменно громок,
Но средь потемкинских потемок
Решил, что просто от людей
Отделаться и отделиться...
/Но никогда его столицу
не отделить от их идей!/*

*Век восемнадцатый, фольговый,
Екатерининский каприз.
Слегка дидровский, пугачевый,
А так же пудренных маркиз...
Кому какой аспект годится,
Тому тот век таким и снится,
И нет критериев - зане
Нужна едва ли для народа
Вельми торжественная ода:
Чирикай, сидючи... в кустах!*

*Хоть к вольтерьянским разговорам
И Питер склонен и Париж,
Не зря картезианским вздорам
Российский показали шиш!
К тому ж - фривольны и упрямы,
Здравши юбки мчались дамы
Вослед Великого Петра:
Две Анни, две Екатерины,
Елисаветь /одна с полтиной!/
Матриархатный век! Ур-ра!*

*А Петр? Ему коня подводит
Не ктонибудь, а Фальконе!
Но и Петра захороводит
Сей дамский век в мужской стране!
И вот верхом герой Полтавы
Бежит от дамския облавы,
И гордый конь, здравши хвост,
Из восемнадцатого века
Стремглав уносит Человека...
Куда? Да хоть на Чортов мост!*

*Но время со своей косою
Изрядно память подравняв,
Изобразит сей век мечтою,
В нем самой сути не поняв:
Что Петр не во время родился,
Что век никак не пригодился,
Был мелок для его затей -
Не зря ж имел родного брата
Под круглым номером - двадцатый:
Тот - дамский век, сей век - блядей!*

Петербург 1972-Париж 1982

К Р О М Е Ш У Т О К

Эпиграммы, ученые записки и проч. и проч.

КУПЛЕЦЫ

Поэтам семидесятих годов

Подражание песенкам de m-l P·J·BERANGER

Кто символизма жадно просит,
Кто слово рубит на корню,
А кто вдруг с чердака выносит
Обереутскую трепню...
Изрезан, как диван Прокруста
Дурацкой моды вечный бред.
Где мода - там п...ец искусству,
Там есть лакей, но не поэт!

И я все больше отрекаюсь
От вас, мои ученички,
Когда толпятся, спотыкаясь,
Под прозу шитые стихи.
Тупой верлибр, кривая призма...
Но пестрота - не белый цвет:
Из выкрутасов модернизма
Не выкрутится и поэт!

Я - архаичен, словно шпага.
И шпагою строка звенит.
А что - соцреализм? Бумага,
Что вас с чиновником роднит.
Мои ж - от дедов, прирожденно
В дыму позорно-красных лет
Белогвардейские знамена:
Я - романтический поэт.

Лишь тот, кто может не бояться,
сжигая за собой мосты,
Ни сложности ассоциаций,
Ни обнаженной простоты,
Ни изошренности сонета,
Ни жесткой сухости газет,
Во всем свой смысл найдет - вот это
Есть без эпитетов ПОЭТ.

ПЕСЕНКА ОЛОВЯННЫХ СОЛДАТ

Были вольности когда-то.
Век другой теперь настал:
Оловянные солдаты,
Оловянный генерал.
Что ни день - он открывает
Потаенного врага,
И по всей стране шагает,
И по всей стране шагает
Оловянная нога!

Угрожаем всем на свете,
Налетаем, как гроза:
Заговорщиков заметят
Оловянные глаза.
Никогда мы не меняем
Выражение лица,
Ведь сочувствия не знают,
Ведь сочувствия не знают
Оловянные сердца.

Нет нигде солдат удобней -
Мы отличные войска.
Ведь в сражении не дрогнет
Оловянная рука!
А устав гласит нам строго:
"Генерала береги!"
И усвоить это могут,
И усвоить это могут,
Оловянные мозги.

Все палаты, все сенаты
Отменил и разогнал
Повелитель и диктатор
Оловянный генерал.
Разговоров он боится,
Но, наверное и вы,
Опасались би лишиться,
Опасались би лишиться,
Оловянной головы!

У ч е н н ы е з а п и с к и
по разным предметам

1. ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ

КОЛУМБУ

Ты Кубу принял за Китай.
Прошло полтыщи лет,
И - наша-ваша понимай,
Что впрямь различий нет.

ГЕРМАНИИ

Эти фольварки так непохожи
На столичный казенный бетон,
Но ищут и средь этих дорожек:
А которая - в Армагеддон?

1 9 8 4

Все одна и та же дата называется,
Но история играет вкривь и вкось:
По Амальрику пока что не сбывается,
А по Орвеллу давно уже сбылось.

ЕВРАЗИЙЦАМ

Пора прекратить безобразие,
Пора оглядеться кругом:
Граница Европы и Азии
Отвеку была в Бологом.

2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Иллиада

*Мелкая драка царьков из-за одной потаскушки
Не мировая война. /Просто - поэт мировой! /*

Рубайят

*Хайам, к фигам нам суфии твои?
Кто отличит дервиша от свиньи?
Но как - из двух дурацких философий
Две сотни гениальных рубайи?*

Баллады Вийона

*Сапожник ходит без сапог,
Горит пожарная команда,
Явилась совесть к Вилли Брандту,
В ЮНЕСКО кто-то видит прок,
Начальник сам с собою строг,
И вор в законе ловит банду,
Спустив Фиделя в водосток
Кубинцы пляшут сарабанду...
Да, по такому реприманду
Вийон от нас не так далек...*

3. ЛИНГВИСТИКА

По поводу словарной точности

*И в прозе и в стихотвореньях
Растет расслабленность осла,
Ударенного удареньем,
Как бы мешком из-за угла.
Ведь есть кого повесить, нет ли -*

Не это важно королю:
Преступник попадает в петлю,
А войско попросту в петлю,
Не подрифмуешь ку-ка-ре-ку
К французскому ку-ка-ре-ку,
Проехал грека через реку,
А щуку бросили в реку,
А там - Ожegov и Будагов,
Премудие, как пескари...

Меняю, братцы, словари
На туалетовых бумагов!

По поводу сравнительной грамматики

Сидит Дидро подняв перо
На Сен Жермен де Пре,
И материт во всю Дидро
Погоду на дворе.
С того пера в штаны Дидра
Чернила и дожди,
И поутру ему, Дидру,
Так муторно в груди!
А над Дидром
И снег и гром
Анархией грозят.
Хоть не мороз - к скамье прирос
Его зеленый зад.

Дидро, Дидра, Дидру, Дидром,
Дидра и о Дидре...
Каким, скажите, языком,
На том Жермен де Пре?
Пошлешь Дидра ко всем Дидрам,
И громко материшь
По всем по русским по дождям
Склоняемый Париж!

4. Математика

Единица не годится для цепей:
Цепи делают, обычно, из нулей...

5. ФИЛОСОФИЯ

Зло рождено пассивностью добра,
Твердящего, что слабость - это сила.
Змея тебя сегодня укусила?
Что ж ты не раздавил ее вчера?

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В тюрьме философ.....	стр 5
На кухне в той квартире.....	7
Второе крещение	8
Феофан Грек.....	9
Человек, как его ни корми.....	10
Свет Фаворский	11
ПЕТЕРБУРГСКИЙ АПОКАЛИПСИС	
В тысяча восемьсот двадцать четвертом.....	12
Город - призрак в белую ночь.....	13
Пока что целы набережных плиты.....	13
Святая Ксения, сбереги.....	14
И вот на Аничковом мосту.....	14
Стокгольм	16
Царскосельская школа	17
"То что делаешь - делай скорей!".....	18
Вот бы дожить до лета.....	19
Трижды в сутки тяжелые колокола.....	20
У маяка	21
Вдоль Рейна	22
АННА	
1970	23
1980	23
Я больше не буду писать о любви.....	24
Контрабандисты	25
Голландский тюльпан и фламандская роза.....	27
Европейские сонеты / четвертый венок/	28
ГАЛЛЬСКИЕ ПЕЙЗАЖИ	
Вот так подаются в клошары.....	35
Париж	35
Бретань	36

Бургундия	36
Пикардия	37
Вандея	37
ЭТЬЕН ФАЛЬКОНЕ / поэма/	39
КРОМЕ ШУТОК	53
Куплетцы поэтам семидесятых годов	55
Песенка оловянных солдат	56
Ученые записки по разным предметам	57
Колумбу	57
Германии	57
1984	57
Евразийцам	57
Илиада	58
Рубайят	58
Баллады Вийона	58
По поводу словарной точности	58
По поводу сравнительной грамматики	59
Математика	59
Философия	60

КНИГИ ВАСИЛИЯ БЕТАКИ

ЗЕМНОЕ ПЛАМЯ Стихи. "Советский писатель 1965

ЗАМЫКАНИЕ ВРЕМЕНИ " Editeurs reunis" 1974

ЕВРОПА-ОСТРОВ " Ритм" 1981

П Е Р Е В О Д Ы :

Байрон, В. Скотт, Л. Хьюз, Р. Фрост, К. Паламас.

Р. Киплинг, Э. А. По, В. Шекспир, В. Гете, Й. Станишич.

О. Туманян, Я. Сейферт, Н. Бараташвили, Ш. Гасан.

Ж. Брассанс, Ж. Брель, Э. Коцбек, А. Раннит, О. Хайам.

П. Шелли, Ш. Бодлер, В. Барка, К. Брэдунас, Э. Баркоро, Байли.

и другие классические и современные поэты

в различных собраниях сочинений, сборниках и журналах:

"Нева", "Звезда", "Аврора", "Континент", "Грани".

Imp. UTOPIE
14-16, passage des Soupirs
75020 Paris ☎ 797.63.51

ВАСИЛИЙ
БЕТАКИ

ПЯТЫЙ
ВСАДНИК

СТИХИ

PARIS

1985